

ЗАКОН И ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

Ведущий страниц
«Личное мнение»
Виктор АВОТИНЬШ

Адвокаты — «сторожевые собаки правопорядка»

26 января в Латвийском университете состоится конференция «Влияние общественного мнения на судей и судебную систему в целом». Цель конференции — начать дискуссию о влиянии созданного людьми, средствами массовой информации общественного мнения на ход и результат судопроизводства. Тема показалась мне интересной, и благодаря содействию одного из инициаторов конференции — депутата Сейма Рингольда Балодиса, — состоялась вот эта, посвященная независимости адвоката (в том числе и от публичного мнения) дискуссия. В ней приняли участие присяжные адвокаты Янис ИОНАС, Янис КАРКЛИНЬШ, Янис РОЗЕНБЕРГС (он же — председатель Совета присяжных адвокатов Латвии), Виктор ТИХОНОВ, а также адвокат, депутат Сейма, профессор ЛУ Рингольд БАЛОДИС.

«НЕ ТЕ» КЛИЕНТЫ

— Вы, господин Балодис, являетесь одним из инициаторов этой конференции. Но ее главной, целевой аудиторией будут судьи, а не адвокаты. Все же в какой степени эта тема существенна для адвокатов?

Рингольд Балодис: — На конференции наряду с судьями со своими рефератами выступят и адвокаты. Они также подвергнут анализу влияние СМИ на процессы судопроизводства и решения судов. Объятия так называемой четвертой власти адвокаты чувствуют в столь же значительной мере, как и судьи, прокуроры или полицейские. Я слышал выражение: «Осужден на «Панораме». Оно хорошо показывает правовые рамки проблемы. Адвокатура — это неотъемлемая часть юстиции правового государства. Но, несмотря на то что адвокат, согласно закону, — лицо независимое и его нельзя идентифицировать с его клиентами, с делами клиентов, часто случается как раз противоположное. Нередко оказывается, что адвокат безнадежно испортил репутацию именно из-за своей профессии. Тут я попрошу Яниса Ионаса рассказать о собственном опыте, когда аура того бюро, в

Рингольд Балодис

Янис Розенбергс (председатель Совета присяжных адвокатов Латвии)

Янис Ионас

Янис Карклиньш

Виктор Тихонов

котором он работал, оказалась важнее объективного подхода.

Янис Ионас: — Это события более чем 15-летней давности... Речь идет о первых конкурсах на место руководителя Бюро по предотвращению и борьбе с коррупцией. Искали кристально чистого человека, и планка доверия общества совершенно обоснованно была поднята весьма высоко. Одно — связанное с образованием и трудовым опытом определение квалификации. Второе — безупречная репутация. Если с квалификацией и трудовым опытом все было в порядке, то по второму пункту развернулась публичная дискуссия, в которой центральное место занял своеобразный анализ моего места работы и клиентов. Как адвокат я консультирую и представляю самых разных людей. Депутаты Сейма меня упрекали в том, что я оказывал юридическую помощь «не тем людям»... Второй аспект — я работал в

устроении этой конференции. Тема, на мой взгляд, актуальна как для адвокатов, так и для судей, и для всей судебной системы, а также общества в целом.

Вопрос о влиянии СМИ на судей, судебные процессы и людей, трудящихся в судебной системе, очень многогранный. В первых, нельзя недооценивать положительную роль СМИ в демократическом обществе. Нельзя возражать против того, что СМИ следят за судебными процессами, делами и информируют об этом общество. Это можно лишь приветствовать.

Вопрос в том, как это делается, как преподносится информация и с какой целью это делается. Все хорошо до тех пор, пока СМИ не начинают распространять, например, необоснованные размышления о том, что очередной злодей выйдет

с сухим из воды, что с адвокатом уже обо всем договорились и т. д. Конечно, публикации подобной окраски следует оценивать критически, и, по-моему, в них отсутствует связь с ролью СМИ в информировании общества. Это одна сторона вопроса. То есть являются СМИ носителями объективной информации или же они в интересах той или иной группы лиц, в интересах своих рекламодателей либо собственников пытаются оказывать кажущееся общественное давление на судебную власть? На самом деле это никакое не общественное давление, это лишь инициированное отдельными лицами и растражированное СМИ мнение, которое следовало бы подвергнуть критической оценке.

КАК И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Янис Розенбергс: — Во-первых, большое спасибо Рингольду Балодису за инициативу в

ния от тенденциозных, растражированных, иногда, возможно, оплаченных серий статей. Конечно, это затрудняет работу судебной системы, адвокатов и, допуская, также судей. Надо подчеркнуть, что адвокат — независимый и профессиональный юрист, у которого нет одного работодателя. Адвокат трудится в интересах многих клиентов.

Р. Б.: — Этого часто не понимают...

Право на защиту

Я. Р.: — Представляет ли адвокат человека, который в глазах общества является воплощением света, или же человека, обвиненного в совершении, неважно, в какой степени, неприемлемых для общества преступлений, — во всех случаях эти лица имеют право на помощь адвоката. Однако на адвокатов, если они задействованы в делах, на которые обращено внимание СМИ, иногда вешают бирки. Вот, видите, это же адвокат той группировки, того человека, того предприятия. И эта бирка следующие пять или десять лет тянется за адвокатом. Что бы он в дальнейшем ни совершал, он ассоциируется с какими-то определенными, конкретными клиентами или же с какими-то определенными интересами.

Чаще всего отношение людей к адвокатам меняется тогда, когда у них самих жизнь поворачивается таким образом, что требуется адвокат. Тогда отношение вдруг становится иным. А до этого многие воспринимают адвокатов как неких хитрецов, которые лишь мешают скорейшим образом повесить на Домской площади всех негодяев, про которых части общества все давно ясно.

Янис Карклиньш: — Согласен с тем, что говорили прежде: нельзя идентифицировать адвоката с клиентом. Почему же так происходит? Почему имеет место быть негативное отношение к адвокатам, к тем, кто защищает обвиняемых, представляет их в каких-либо сделках гражданского права, в сделках, которые имеют отрицательный резонанс в обществе? Очевидно, общество делит людей согласно каким-то принципам морали, которые чужды юриспруденции. На плохих и хороших. Отсюда — если имеется вывод, что человек плохой, — для него приговор будет готов уже до настоящего приговора. Суд в восприятии таких людей, по сути, лишняя формальность. И потому все адвокаты, которые защищают такого человека, автоматически плохие.

Адвокатура — это неотъемлемая часть юстиции правового государства. Но, несмотря на то что адвокат, согласно закону, — лицо независимое и его нельзя идентифицировать с его клиентами, с делами клиентов, часто случается как раз противоположное. Нередко оказывается, что адвокат безнадежно испортил репутацию именно из-за своей профессии.

Тут еще добавляется определенная законом норма, что клиент может доверить адвокату конфиденциальную информацию. А моральная оценка общества в этом усматривает то, что адвокат условно помогает этому будто бы плохому человеку. Как же так — адвокату доверяют разные тайны, а правоохранительным органам он их не выдает? Значит, адвокат выступает вопреки какому-то идеалу, вопреки какой-то, возможно, воспитанной сказками справедливости, где добро и зло видны сразу. Потому, учитывая то, что общество оценивает деяния людей по моральной шкале, а адвокаты и юристы в свою очередь — по юридической, столкновения будут нередкими. Ибо согласно моральной шкале — виновен, согласно юридической — зачастую не виновен. Такое может случиться. И... поддержку плохих следует осуждать. Однако общество должно понять, что до приговора суда мы не можем высказывать никаких допущений. Объявить кого-то плохим юридически может только суд. Это определено и в Сатверсме.

Можно было бы еще понять, если бы адвокатов на хороших и плохих делили рядовые представители общества, но если это делают даже журналисты... У коллег есть очень много примеров того, когда понимание журналистов настраивает общество полагать, что ты, возможно, не на той стороне и, в принципе, доверять тебе нельзя... Конференция — это один из способов говорить об этом. Организуя ее, мы думаем также и о том, как привлечь журналистов, чтобы они начали понимать этот механизм. Ибо это механизм правового государства. Люди, необоснованно идентифицирующие адвоката с клиентом и таким образом выступая против адвокатов, которые просто благородно выполняют определенные им законом задачи, разрушают будущее правовой среды своего государства. Они этого просто не понимают.

Конечно, имеются некоторые адвокаты, которые используют свои знания нечистоплотно. Они, безусловно, бросают тень на все адвокатское семейство в целом. Но все-таки не следует обобщать эти отдельные случаи, распространять это отношение на всех адвокатов или судебную систему в целом. Это абсолютно необоснованно.

Кто на самом деле ангажирован

Я. К.: — Даже если адвокат иногда помогает избежать суда кому-то из тех, кого общество считает плохим, следует спросить: почему он так сделал? Не потому ведь, что его убеждение — поддерживать зло, а потому, что свою работу плохо сделал следователь. Значит, улик недостаточно. Значит, даже если имеются случаи, когда кажется, что благодаря умелым действиям адвоката преступник избежал наказания или ему скопостили срок, то это все равно не говорит о том, что от профессии адвоката следует отказаться или надо ее ущемить в правах. Потому что в итоге это привело бы к снижению качества всей судебной системы. Адвокаты — будто

Общество должно понять, что до приговора суда адвокаты не могут высказывать никаких допущений. Объявить кого-то плохим юридически может только суд. Это определено и в Сатверсме...

сторожевые собаки в смысле соблюдения порядка по отношению к индивидууму со стороны государства. Как сказал Янис Розенберг, адвокаты — часть судебной системы. Нападая на адвоката, совершают нападение также и на юстицию. Следовало бы больше просвещать общество в том, что в правовом государстве адвокат является абсолютно необходимым его элементом.

— А мне после сказанного господином Карклиньшем хочется цинично спросить: откуда у вас такие опасения? То, что вы говорите о миссии адвоката, мне кажется само собой понятным. Кроме того, юристы меня весьма часто обоснованно, аргументированно, на конкретных примерах убеждали в том, что СМИ в своем понимании правовой политики нередко бывают поверхностны или ангажированы. Однако в своей области профессионалы — вы, а не я. Что для вас рассуждения лоха, сколь бы они ни нравились публике. Вам что, тоже хочется быть больше популярными, чем профессионалами?

Я. К.: — Это скорее опасения о недостаточном понимании роли и миссии адвоката в обществе. Мы же из-за этого неправильного понимания от дел не отказывались и не стали себя вести как-то по-иному. Но длительное уничтожение адвокатской профессии может привести к уменьшению адвокатских прав, что в долгосрочной перспективе уменьшит правопорядок в стране.

Виктор Тихонов: — Да, СМИ, общество влияют на адвокатов. Я присоединяюсь к тому, что сказали коллеги, но мы можем взглянуть на эту проблему и с других точек зрения. Вот одна из них. Если ты взялся защищать персону, которую общество оценивает критически, о которой в ряде публикаций сказано, какая она плохая, то, желая оказать юридическую помощь клиенту, к сожалению, приходится считаться с тем, что сбор доказательств, среди прочего и в госучреждениях, может оказаться несколько затруднительным. На твои запросы кто-то может сказать: «Не отвечу». Вот тут мы хромаем.

Второе — это вечная проблема, которая будет и впредь и с которой следует бороться... То есть врач обязан лечить всех пациентов, которые к нему приходят. Разве он должен начать сортировать: этот пациент — хороший, этот — плохой? Полагаю, что подавляющее большинство понимает — в здравоохранении сортировка людей недопустима.

Нельзя недооценивать положительную роль СМИ в демократическом обществе. Нельзя возражать против того, что СМИ следят за судебными процессами, делами и информируют об этом общество. Это можно лишь приветствовать. Вопрос в том, как это делается, как преподносится информация и с какой целью это делается. Всё хорошо до тех пор, пока СМИ не начинают распространять, например, необоснованные размышления о том, что очередной злодей выйдет сухим из воды, что с адвокатом уже обо всем договорились и т. д.

Однако о судебной системе такого не скажешь. Если какая-то газета или журнал долго «сидит» на одной теме, то ясно, что процесс переинформируется, что интерес станет повышенным. Профессиональнее ли, трудно судить...

Я. И.: — Потому и организуется эта конференция — чтобы оценить, насколько это влияние велико и насколько оно допустимо. Это цель...

В. Т.: — Уместно спросить: почему некоторые СМИ должны влиять на общественное мнение с целью сделать персону нечестным партнером, скажем, по части хозяйственного права? Тут у нас одно время возник скандалчик, связанный с собачьим кормом. Создавалась системная информационная волна о том, что этот корм плохой. Такая же системная информационная волна вещала, что этот корм хороший. Значит, имелась соответствующая целевая аудитория, ради которой это совершалось. Но разве учреждения поменяли свои решения из-за скандальности этого дела? Трудно судить...

Мы ведь хотим, чтобы было справедливое, правовое государство. Но, как мы знаем, правовое решение иногда может быть несправедливым. И если мы хотим справедливого, правового решения, то важно положить на стол доказательства...

Я. К.: — Два примера... Я адвокат в Юрмальском самоуправлении. И я встречался с тем, что меня идентифицируют как адвоката конкретной политической силы. Хотя у меня есть и другие клиенты, в других государственных или самоуправленческих учреждениях, где другие политические силы. Это одно.

Другой пример, где меня идентифицируют с клиентом, — это так называемое золитудское гражданское дело, в котором я представляю «Максиму». Бывали конкретные упреки, что я встал на неверную сторону... Однако у адвоката нет верной и неверной стороны, он просто делает свое дело, дело, предусмотренное за-

коном. Профессионально это на нас не влияет, но в некотором роде понять можно — в обществе закодировано какое-то осознание справедливости. Следует добиться справедливости. А адвокаты этому мешают. Мы, общество, уже знаем, кто виноват, так чего ты там встречаешь, ты нам мешаешь.

О виселице на Домской площади

— А есть ли и нужен ли какой-то защитный механизм от этого? Ведь тупость может быть бесконечной.

Я. И.: — Против тупости пока лекарств не изобретено. Это парадигма, которая образовалась в головах людей... И все.

Но если мы не будем об этой теме говорить, то в один момент можем достигнуть критической массы. И вот тогда мы можем оказаться в тяжелой ситуации. Скорее тут следует спросить: не мешает ли это, не вредит ли это клиенту, не влияет ли это на конечный исход дела? Действительно ли судебная система, судьи способны от этого абстрагироваться? Фактически все судьи говорят: да! Верить в это или не верить — пусть каждый рассудит сам.

Я. Р.: — Хочу надеяться, что судьи, будучи профессиональными юристами, способны выносить приговоры, руководствуясь доказательствами, которые имеются в деле, и опираясь на нормы закона, даже если результат будет противоположным соображениям СМИ о «правильном» исходе дела. В то же самое время я понимаю, что судьи являются членами общества, они не проживают в закрытом информационном пространстве, им доступен тот же информационный поток, что и каждому. Было бы весьма опрочетливо утверждать, что этот поток информации не оставляет никакого отпечатка в сознании, что он не участвует в формировании мнения. Также достойным обсуждением был бы вопрос о

том, не создаст ли юридически корректный приговор, но противоположный видению части общества или представителей СМИ о справедливом решении отрицательную публичность данного судьи (вернее всего — создаст) и не станет ли она помехой в дальнейшей работе этого судьи, его карьере, а также и в быту.

В. Т.: — Хорошая вещь тут, возможно, такова, что иногда влияние общества необходимо. Значит, в законодательном процессе можно наблюдать вполне образную активность, цель которой — как можно больше ограничить возможности индивидуума. Начиная с права обжаловать (например, та же система допусков или неоднозначные, дискутируемые поправки к Уголовному закону). Но если появляется достаточно громкое и регулярное общественное мнение, то Сейм все-таки удерживает чашу правосудия в равновесии. А если это мнение отсутствует, то возьми да дивись, какие только поправки не проходят до лета или на осенней сессии...

Почему я об этом говорю? Потому что я пережил последствия подобных ситуаций. У тебя есть клиент, но ты понимаешь, что помочь ему не можешь. Потому что имеются формальные ограничения закона, из-за которых адвокат не может выполнить свою, по-моему, определенную в конституции, обязанность. То есть право на справедливый суд, право на профессиональную адвокатскую помощь. Насколько актуальнейших случаев буквально в течение последнего года у нас решил Суд Сатверсме. Решения были очень серьезные.

Потому я и хочу подчеркнуть, что общественное мнение необходимо в форме дискуссии. Не вопей о виселице на Домской площади, а такое мнение, чтобы законодатель прислушался. Нечто похожее на равноценность. На профессиональном языке мы это называем соревновательными принципами, но должна присутствовать вот эта равноценность.

Я. К.: — Цель конференции — добиться, чтобы судьи стали еще смелее, чтобы отважились во всех случаях вершить суд подобно Фемиде — с завязанными глазами, без предрассудков, не страшась того, что подумает общество, а потому, что это правильно. Янис Розенберг верно сказал: главная цель — независимость судебной власти. Адвокаты — лишь ее составная часть. Адвокат — существенный ее элемент. Но не решающий. Адвокат собирает улики, которые оценивает судья. Главное, чтобы они оценивались объективно. **7**